

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Адам Бельский (А.П. Пинкевич)

ВЕРОЧКИН ДЕНЬ*

Начало XX века. В Москве проводится всероссийский литературный конкурс имени Н.В. Гоголя. Победителем его становится недавний выпускник физико-математического факультета Казанского университета, двадцатисемилетний учитель Вольского кадетского корпуса Альберт Петрович Пинкевич (литературный псевдоним – Адам Бельский).

Имя этого писателя вы не найдете ни в Краткой литературной энциклопедии, ни в четырехтомнике «История русской литературы». Между тем читатели первой трети XX века не раз встречали его произведения на страницах как столичных, так и провинциальных журналов и газет. «Посвященные» знали, что это друг А.М. Горького, не зря его публикации постоянно встречались на страницах издаваемого Горьким журнала «Летопись». Педагоги штудировали написанные Альбертом Петровичем учебники. Особенно популярна была его книга «Методика начального курса естествоведения», выдержавшая девять изданий. Из современных энциклопедий мы узнаем, что член Государственного ученого совета (1923–1932) Альберт Петрович Пинкевич (1884–1937) – первый автор советских учебников по естествознанию для средней и высшей школы, трудов по теории и истории педагогики. Особой живостью отличался

его рассказ о педагоге-гуманисте конца XVIII – начала XIX века Г. Песталоцци. Самые вдохновенные страницы этой книги посвящены описанию самоотверженной деятельности Песталоцци по созданию школы нового типа.

И это не случайно. Сам Альберт Петрович столь же беззаветно трудился над организацией высшего учебного заведения нового типа – Уральского университета, первым ректором которого

он был. При создании Уральского университета учитывался опыт работы Петроградского педагогического института, к рождению которого Пинкевич также имел прямое отношение.

Эволюция политических взглядов Пинкевича типична для интеллигента-разночинца конца XIX века. Радикальная большевистская студенческая юность. Одержимость идеей долга перед угнетенным народом. Беготня с лекциями по рабочим социал-демократическим кружкам Казани в 1904 году. Митинговая лихорадка 1905 года, которая в конце концов привела к полугодовому заключению в тюрьму. Первые литературные произведения Пинкевича написаны в тюрьме.

Затем блестящее окончание университета и отход от активной политической жизни. Погружение в мир любимой геологии и педагогики, мир литературы и театра. В это

* Вера Андреевна Шлыгина – сестра жены А.П. Пинкевича, о ней – рассказ.

время резко расширяется круг знакомств преподавателя и воспитателя одного из самых прогрессивных учебных заведений России – Петроградского Тенишевского училища – Альберта Петровича Пинкевича. Теперь это не только профессора, известные ученые, геолог М.Э. Ноинский и медик В.Н. Тонков, политические деятели К.Е. Ворошилов, Я.М. Свердлов, В.Д. Бонч-Бруевич, А.Ф. Керенский, но и литераторы Н.С. Гумилев, А.А. Ахматова, О.Э. Мандельштам, Л.М. Рейснер, Е.Н. Чириков, К.И. Чуковский, композитор С. Прокофьев, актриса Л.Б. Яворская, певец Ф.И. Шаляпин. Позднее этот список дополняют имена В.И. Ленина, И.Е. Репина, А.Н. Толстого, Г. Уэллса...

В 1917 году А.П. Пинкевич возвращается к политической деятельности, но уже в роли меньшевика-интернационалиста, а в октябре 1923 года вступает в Российскую коммунистическую партию. Рекомендацию для вступления в РКП(б) ему дал А.В. Луначарский. В 1935 году деятельность Пинкевича на поприще педагога и организатора средней и высшей школы была отмечена

Почетной грамотой ЦИК СССР, профессор премирован личной легковой машиной.

Звезда Альберта Петровича закатилась после смерти А.М. Горького. В октябре 1937 года его обвинили в пропаганде фашизма (он издал хрестоматию по педагогике, в которой цитировались высказывания Гитлера и Муссолини), а также в подготовке убийства Сталина и 25 декабря 1937 года расстреляли.

Предлагаемый Вашему вниманию не перепечатывавшийся с 1917 г. рассказ Альберта Петровича Пинкевича написан летом 1908 года, после выхода автора из тюрьмы. В те дни ему казались «новы все впечатления бытия». Он был влюблен. Солнце светило особенно ослепительно. Волга особенно широка. Как она бывает красива, Альберт Петрович убеждался не раз, путешествуя по ней в годы своей молодости. А самым чудесным в этом мире была раскрывающаяся, как бутон, личность ребенка. Героиня рассказа – девочка, ровесница XX века. У нее и у двадцатого века все еще было впереди...

В.А. Мазур

Солнечное, радостное, смеющееся утро.

Высокая комната, где спит Верочка с матерью, вся в ярком свете летнего солнца. Сквозь большие окна высоко вверх видно голубое небо, а на нем белые облачка; ниже частокол и ряд тополей с такой темной листвой.

Верочка проснулась давно, но вставать не хочется. Приятно вытянуться несколько раз, потом свернуться калачиком, закрыть глаза и думать, что засыпаешь. Конечно, не заснешь – перед глазами мелькают разные лица, начиная с мамино и кончая Карошкиной мордой; приходят в голову разные мысли: пьют ли, например, в столовой чай и много ли времени. Часы висят над головой, но цифры там римские, непонятные. Лучше можно определить время по пятну от солнца и по состоянию ма-

миной кровати. Мамы уже нет, и постель прибрана, а пятно удвинулось к самой печке – стало быть, самовар на столе. Впрочем, Верочке безразлично, попадет она к чаю или нет: ее чашка молока всегда за ней. Конечно, далеко приятнее сидеть за столом всем вместе и слушать, что говорят большие. Часто непонятно, о чем они говорят, – вернее неинтересно: ей кажется, что при желании она поймет все, но ей скучно их слушать; вот зато когда разговор заходит о куклах, Карошке и о том, куда идти гулять – в лес или ехать за Волгу, тогда Вера принимает живейшее участие – это так весело и так интересно.

Неделю тому назад Верочке минуло семь лет. Но она выглядит старше. По крайней мере, все ее сверстницы – деревенские девочки тех же лет далеко меньше, и только Сань-

ка, гимназист третьего класса, гостящий это лето на даче, ей равен. Вере приятно думать, что она такая большая, она с улыбкой вытягивается на кровати, закинув свои тонкие, нежные руки за голову. Хочется проверить, такая ли она, в самом деле, большая – вскакивает с кровати и бежит к большому зеркалу-трюмо.

В розовенькой длинной рубашонке, с голыми ручонками, отражается она в зеркале вся, кроме ног, и Верочка изгибается к нему и заглядывает, чтобы увидеть и их отражение.

В зеркале стоит худенькая и высокая девочка с кудлатой головой, – год тому назад ее остригли «под машинку», и только теперь волосы отрасли настолько, что доходят до плеч, глаза у девочки ясно-голубые, щеки розовые, нос только немного вздернут кверху – но это ничего: все говорят, что ее золотистые густые волосы так хороши. Деревенские мальчишки, положим, другого мнения: утверждают, что с ее волосами она похожа на овцу...

От зеркала Верочка осторожно подходит к окну: нет ли где-нибудь на дворе Карошки, – белого, с черными ушами и мохнатой мордой, пуделя. Карошки не видно, а на дворе хорошо. Зеленеет свежая трава, пахнет свежестью, еще чуть прохладно.

Из-за угла выбегает Санька: разинув рот он бежит, смотря куда-то вверх. Верочка глядит тоже – ничего не видно. Вдруг у самого Верочкиного окна падает что-то. Это Санькина стрела.

– Санька, Санька, – кричит Верочка, влезая на подоконник, и опускающая голые ноги за окно, – вот стрела здесь...

Санька поворачивается, бежит к стреле и осматривает с некоторым недоумением Верочку.

– Ты што? – спрашивает он, стараясь подражать деревенскому вы-

говору, – ты голая-то што сидишь... Ай-ай и не стыдно...

– А чего мне стыдиться? – спрашивает она в свою очередь.

– Вот увидит тебя Петька Салов, мальчишкам расскажет, дразнить будут.

– И пусть дразнят, – обиженно говорит Верочка и в то же время чувствует, что слезать с подоконника надо: пожалуй, и вправду мальчишки увидят и дразнить будут. Ей были странны слова Саньки, хотя то же ей говорили и мать, и горничная... Почему-то казалось, что Санька должен был ее понять скорее, чем большие, но он не понял, и это было особенно обидно.

Вера прыгнула с подоконника, подбежала к кровати и юркнула под одеяло. Санька во все горло заорал какую-то песню, которую он услышал случайно от каких-то прохожих, кажется из Вятки.

Ах ты, тятка, тятка мой,
Сядь на лавочку со мной.
Побахорим мы с тобой,
Покацаем головой...

Верочка не понимала, что такое «побахорим», но выражение «покацаем головой» ей страшно нравилось.

– Покацаем головой, – в свою очередь громко запела она.

– Верочка, а вы собирайтесь, – сказала горничная Анюта, входя в комнату. Барыня уже собралась, чай пьют, скоро идти.

Верочка не сразу сообразила о чем речь.

– Что уж это вы, право, – укоризненно говорила Анюта, – мамонька плачут, сегодня панихиду служит, а вы...

Ах, да... Верочка вспоминает... Год тому назад умер ее отец. Сегодня сельский священник отслужит панихиду, на которую из всей семьи придут только Верочка и мама.

Вера начинает торопливо одеваться.

II

Верочке было любопытно идти в церковь.

Она очень смутно представляла себе, зачем нужно идти, знала только, мать это делает во все дни, которые так или иначе напоминают отца, – в день рождения, именин, свадьбы и т.п. Было неясно, для чего это делается, но было приятно и весело входить в церковь, куда кроме этих дней никто не ходил.

Строгие лики святых, тишина и запах ладана – все вместе создавало какое-то особое настроение, немножко грустное и серьезное. Тогда Верочка во все глаза смотрела на иконы и потихоньку спрашивала тех, что были там нарисованы, не видели ли они папу на том свете, где, как она думала, они живут вместе с отцом.

По окончании службы она обыкновенно тотчас же забывала, что было там, и веселая, радостная, начинала играть со своей Каро. Нельзя сказать, чтобы она не любила своего отца. Она любила его, но любила живым, веселым, смеющимся, а мертвый он стал ей чужим. И при жизни бывали моменты, когда она не любила его – это тогда, когда он кричал на мать и на взрослых сестер, или приходил пьяный, а это случалось так часто. Когда отец умер, мать повела ее проститься с ним. Верочка коснулась тихонько лба мертвого и совершенно спокойно – без того ужаса, с которым подходят люди к трупу, – поцеловала его руку, как велела мать.

– Какой холодный лоб, – сказала она только. Пока она не видела мертвого, – она даже плакала немного, но тут, у гроба, у нее слез не было. И высокий гроб, и монашки, – все

новое поразило ее, и она не думала об отце, как о веселом, добром человеке, который ее ласкал.

– Таня, ведь он уже умер. Я плакать не буду... Все равно он не живой... – сказала она вечером того дня своей сестре.

Сказала и виновато потупилась.

Такая холодность, вероятно, могла быть объяснена тем, что отец долго хворал и все ждали его конца, который почему-то все не приходил, несмотря на все предсказания врачей. Это общее настроение ожидания не могло не коснуться Веры, и она отнеслась к его смерти как к чему-то необходимому и естественному. И окружающие старались не напоминать ей о смерти отца, так как можно было бы вызвать большие слезы, если начать говорить приблизительно так: «Вот, Верушка, уже больше папы не будет, папа не погладит тебя, не поцелует». И в поведении старшей сестры Татьяны, с которой больше всего бывала Вера, не было ничего особенного: она рассказывала сказки, рассказы, читала книги вслух – как обычно; нового в ней было только одно – она строила планы, как расставлять мебель в квартире, как все будет чисто. Верочку это занимало очень.

– Вот хорошо-то, – восклицала она порой, – можно будет кругом бегать... Я буду мыть полы... – вдруг заявляла она, так как мытье полов было ее любимым занятием с давних пор.

Прошли дни похорон, наступило спокойствие, и тихое светлое настроение царило в семье. Отец – этот грешник, самодур – так утомил всех, что его не жалели.

И вот несколько раз в году ходили в церковь – мать и Вера.

Когда в первый раз пошли в церковь, Вера задала вопрос:

– Зачем?

– Нужно... – ответила мать, и с тех пор церковь явилась для Верочки известной необходимостью. Она не спрашивала, не пыталась понять «зачем» и понемногу привыкла к хождению в церковь, как к чему-то обычному и естественному.

Вчера вечером Татьяна, которая живет здесь на даче вместе со своим мужем Николаем Ивановичем, после ужина начала разговор по поводу панихиды.

– Мама, завтра опять слезы, истерика, церковь?

– Как всегда, – засмеялась Анна Александровна, как бы извиняясь своим смехом.

– Нет, ты, мама, не увиливай. Ведь всем ясно, что ты ходишь только потому, что на тебя смотрит прислуга, соседи, священник...

– Ну что ты, Танюша, что ты. Надо хоть раз в году вспомнить Алексея Петровича...

– Но почему у тебя именно в дни церковных служб берутся слезы. Почему ты не плачешь по другим дням.

– Ну, Таня... вспоминаю в эти дни больше, чем обыкновенно... будет тебе, что, право, привязалась, – по-прежнему виновато смеясь говорила Анна Александровна.

– Мама, постарайся сдержаться... Без истерики обойтись.

Верочка сидела тут же и по-своему всё понимала, понимала настолько, что решила, если мать будет плакать, сказать ей, чтобы перестала.

III

Одевшись, Верочка выбежала на улицу.

Яркий ослепительный день разлился могучей волной. Все пело в лучах горячего солнца. Волга отражала в себе голубое небо и была темно-синей... За Волгой тянулись

желтые пески, далекая зелень заливных лугов и совсем вдаль, у горизонта, темнел старинный бор...

Тихо, свежо.

– Как красиво! – сказала Вера, повторяя чью-то фразу.

– Жарко очень будет, – добавила она, воображая, пойдут ли сегодня купаться на желтый песок за Волгой.

Запрыгала, что-то закричала неизъяснимо радостная, неизъяснимо ликующая... Побежала к Волге. У обрыва, с которого к берегу вела узкая утоптанная тропа, Верочка остановилась...

– Где же Каро? – сказала она вслух. И тотчас же начала кричать, умышленно тонким голоском...

– Каро, Каро, Каро!

Широкая улица была пуста. Вправо высилась большая белая церковь, выстроенная посередине улицы, налево синела Волга... А Карошки нигде не было. Верочка повернулась и вприпрыжку, потряхивая кудлатой золотистой головой побежала обратно. У самых ворот ей под ноги кинулась Карошка, – лохматый Верочкин пудель, виляя задом, молоты хвостом об землю, стал ласкаться к ней. Верочка обратилась к ней с укоризненной речью.

– Вы, Каро, где же были? Каро, вы что же это? Ай, Кароньчик, Кароньчик...

Кароньчик отчаянно прыгала и мотала своей кудлатой головой. Верочка нагнулась и обняла морду собаки.

– Кароньчик, милый Кароньчик... Милый, милый...

Каро трепетала всем телом, пытаясь лизнуть Верочку в лицо, подавала лапу и отчаянно мотала хвостом. Собака была на верху блаженства.

Сияло солнце, сияла Волга, тихий жаркий день разгорался, собака и девочка – царственно радост-

ная жизнь дарила свои лучшие дары: ясный безоблачный смех и чистые, нежные улыбки...

Раскрылось окно. Высунулась голова матери.

— Вера, — раздался ее голос, — иди молоко пить...

— Каро, нас зовут кушать, пойдем...

Немного спустя они выходили вместе с матерью из ворот и по широкой зеленой улице села пошли к церкви.

У паперти, на зеленой лужайке, лежал какой-то мальчишка. «Гришка», — мелькнуло в голове у Верочки. Увидев идущих, мальчик пустился бежать к избе священника — очевидно, он сторожил их приход.

Подошел священник. Был он средних лет, с длинными нечесаными волосами и мутным выражением глаз. Хрипло, немного гнуся, он поздоровался с Верочкой и ее матерью. Разинул рот, собираясь что-то сказать, как вдруг откуда-то взявшаяся Карошка с разбегу прыгнула на Верочку, а потом кинулась на священника.

Пока возились с Каркой, униженно молившей о прощении и пользовавшейся, наподобие лягушки по траве, священник вошел в церковь и приготовил, что нужно.

Во время панихиды мать все время взвизгивала, лежа на полу, при чем странно трепыхались концы ее накидки, а Верочка, бывшая все время серьезной и важной, вдруг развеселилась. На этот раз, быть может благодаря вчерашнему разговору Тани с матерью, она не была в том настроении, когда хочется говорить со святыми, однако ее занимало все в храме. Интересно было, кто это там наверху распростер руки и летит в облаках, кто стоит у креста и кто та женщина, что в черной одежде плачет у подножья его... Хотелось дер-

нуть мать за руку и спросить, но она помнила, что этого нельзя делать.

Когда еще был жив отец, он водил ее в церковь. Человек это был неверующий, но иногда на него находил благочестивый стих и он ходил тогда в церковь, водил с собою Верочку, говоря, что нынче никто о религиозном воспитании не заботится. Когда Вера была в первый раз в церкви, она расспрашивала обо всем отца: почему дымят ладаном, зачем священник ходит с одного места на другое, почему дьякон так кричит и о чем поют певчие. Отец в конце концов рассердился и прикрикнул на Веру:

— Молчи ты. Молись. Здесь нельзя разговаривать.

Верочка не понимала, что значит «молись» и почему нужно молчать. Она видела ясно, как их знакомый студент Петр Петрович что-то шепчет на ухо своей соседке, а остальные, если не разговаривают, то озираются по сторонам. Только в углу две старушки на коленях и подняв глаза к иконам что-то шептали. Очевидно, они молились. Верочка встала на колени. Отец порывисто схватил ее за руку и поднял с колен.

— Ты что это? Разве не видишь, какая грязь?

Они ушли из церкви, а дома отец долго бранился и говорил, что из Верочки растет «ужасный нравственный урод».

И теперь хочется спросить мать о многом, но она плачет, и к ней не подойдешь. А хорошо бы расспросить, почему теперь священник повторяет какие-то странные слова и так кадит, что хочется чихать. «Как туман за Волгой», сравнила она облака ладанного дыма. И что это они говорят «смертная память», продолжала она размышлять. Почему-то вместо «вечная» ей слышалось «смертная».

Вот кончилось.

Мама подошла к священнику и стала прощаться.

В руке мелькнула серебряная монета. «Это зачем», — удивилась Вера, но смолчала. На паперти подошел, сняв шапку сторож. Анна Александровна раскрыла ридикюль, порылась и дала ему опять серебряную монету, но меньше той, что священнику. Это уже не показалось странным, однако дорогой она все-таки спросила мать:

— Ты что дала священнику?

— Деньги. А что?

— Зачем?

— Как зачем? За труд. Он трудился, я ему плачу.

— Разве, мама, это труд? У сторожа больше труда, а ты ему дала меньше.

— Помолчи, Верка: мне не до тебя. Вырастешь, узнаешь. Тебе это рано.

Становилось жарко. Тени стали коротки и прижались к строениям. Карошка лежала у дома в тени на боку, растопырив свои лапы. Увидев Верочку, она приподняла голову. Черные глаза ее мелькнули из-под нависших волос и радостно послали что-то Верочке. Хвост стукнул два раза. Девочка сочла нужным ответить:

— Милая моя Карошенька, славная моя...

IV

За завтраком были все, кроме матери: она плакала в соседней комнате. Были поэтому несколько нервные и возбужденные. За столом сидели Татьяна с мужем Николаем Ивановичем и тетя Маня, Санька где-то пропадал с мальчишками.

Татьяна, чувствуя общее натянутое молчание, разговаривала с Верой. Расспрашивала ее о том, что было в церкви...

— Не устала ли, Веруша?

— Нет, — она тряхнула головой. — Я так напеременку, то на колени, то на ноги встану, то на одной ноге, то на другой.

— А поняла что-нибудь?

— Не знаю. Что-то все говорили «упокой Алексея», да «смертная память»...

Взрослые улыбнулись.

— А мама все плакала... Я зевнула, а мама взглянула на меня и говорит: «Ты не плачь, детка», а я только зевнула.

— А долго тянулось? — спросила тетя Маня.

— Долго. Мама говорила со сторожем. Он спрашивает ее: «короткую или длинную?», а мама ему: «за рубль»... Он развел руками: вот так...: «Ну, это, говорит, — большая...»

Тихий шелест смеха пробежал по комнате. А Верочка уже занялась своим любимым занятием — игрой в куклы. Николай Иванович привез вчера «кукленка» из города — маленькую куклу-ребенка. Нужно было дать ему имя.

— Таня, его нужно окрестить, — заявила она.

Достали воды и приготовились к игре в крещение.

Николай Иванович, человек лет под тридцать, с большой черной бородой и черными глазами из-под очков, — вступился.

— Таня, — сказал он серьезно, — по-моему, это несколько неловко, забавляться обрядами...

Татьяна растерянно взглянула на мужа, и по ее молодому, красивому, несколько утомленному лицу пробежала недоумевающая улыбка.

— Я в этом не вижу ничего предосудительного, — сказала вдруг тетя Маня, резко и, как это бывало всегда, когда она начинала спор, надменно и пренебрежительно. И как бы подчеркивая свое пренебреже-

ние к могущим быть возражениям, она выставила нижнюю губу вперед.

– Если вы боитесь, что этим путем воспитаете религиозность, то вы не правы – этим она скорее разрушается...

Николай Иванович усмехнулся, глаза из-под очков блеснули.

– Нечего разрушать то, чего у нее нет. Да это и не важно. Религиозность может получиться как следствие особого склада натуры и особенно воспитания. Это, впрочем, тоже не важно. Есть другая сторона. Уважение к правам и убеждениям других, по-моему, необходимо вырабатывать с раннего детства.

– Это к чему? – фыркнула тетя Маня.

– Я приведу пример. Если идет толпа за гробом, – я, встречаясь с ней, – всегда снимаю шапку. Не потому, что считаю это вообще необходимым, а потому, что не желаю оскорблять других.

– Вот ерунда, никогда бы не сняла...

– Маня, позволь привести еще один пример: бабушка не любит, чтобы курили, когда она молится... – сказала своим мягким и добрым голосом Татьяна.

– Ну уж послушай, Таня, это совсем не то...

– Маня, опять начнется этот надоевший разговор об индивидуализме и социализме...

– Да, да! – сказала тетя Маня. – Я индивидуалистка, – и взволнованно продолжала, – если три дурака будут делать глупость! – и я должна делать тоже? Покорно благодарю!

– А вы хотите, – сказал Николай Иванович, добродушно улыбаясь, – чтобы три умных подчинялись одному дураку?

Тетя Маня отвернулась, что-то фыркнула, чего никто не разобрал, и вышла из комнаты.

Во время разговора Верочка была занята тем, чтобы устроить купель для кукленка, но теперь, заметив, что произошло что-то неладное, отказалась от своей затеи и принялась купать кукол по очереди в ванне.

– А у меня ванна для кукол, – произнесла она нарочно громко. Ей никто не ответил.

Николай Иванович чуть улыбнулся, выстукивая пальцами дробь по столу.

– Мне это все-таки неприятно, Николай, – вдруг грустно протянула Татьяна и, положив голову на руки, стала печально смотреть перед собой.

– Э! – Разве не видишь, что рисуется человек... Нельзя же давать ему такой простор...

– Так-то так... И Верки жалко. Видишь, она чуть не плачет.

– Ну ладно, пойду поговорю с Марьей Николаевной. Постараюсь утешить...

Скоро с улицы послышался говор. – Тетя Маня и Николай прошли мимо окон. Тетя Маня, выпячивая вперед грудь и повиливая станом, что-то говорила и прищуривалась, глядя на Николая Ивановича. А он шел, опустив голову и угрюмо слушающая.

– Зачем ты не пошла гулять? – спросила Верочка, которой почему-то вдруг стало неприятно, что Таня осталась одна.

– Мне не хочется, Вера, – ответила грустно Таня. – Пойдем, Верунчик, ко мне, посиди со мной...

V

– Что же, Вера, читаем? – спросила Татьяна.

Верочка что-то припомнила и вдруг, как бы высказывая свое самое душевное и затаенное желание, сказала, прижимаясь близко к сестре и

пряча свое раскрасневшееся лицо в складках ее широкого платья:

– Таня, ...ты ведь хотела ... мне что-то показать ... дать послушать...

– А-а! – и лицо Татьяны засветилось ясной славной улыбкой женщины, которую спросили о самом дорогом, что у нее есть, – о ребенке, который не родился, но чьи движения уже давно слышит будущая мать... – Ты хочешь послушать, Верочка?

– Да, – ответила та, из складок платья...

– Ну, – сказала Татьяна, и Верочка сразу почувствовала эту серьезность и выпуталась из складок, – положи руку вот так. Жди...

– Ничего не слышу, – вдруг жалобно произносит Вера.

– Погоди, ты слушай... Сейчас он для тебя пошевелится...

Верочка, положив руку на живот Татьяне, внимательно и серьезно слушает, прямо глядя в глаза сестре. Та тоже смотрит в Верочкины глаза, такие ясные, чистые, голубые...

Вдруг Верочка вздрагивает и отскакивает от Татьяны.

– Шевельнулся! – произносит она громким шепотом.

Татьяна обнимает Веру и долго играет и возится с нею.

– Нельзя ли потише, – говорит входящая в это время Анна Александровна. – Тебе вредно.

– Ничего, мама. Знаешь, сейчас Верка слушала, как он у меня шевелится...

Верка перебивает сестру.

– Мама, мама, как он шевельнется! А у тебя не шевелится? – вдруг обращается она к матери, полушутя, полусерьезно. – Может быть, у тебя добрее. А то у Тани все дома нет... Я ему тук-тук, а он мне – дома нет.

Печаль Анны Александровны снимает как рукой. Она хохочет, качаясь всем телом.

– Верка, Верка, – у меня-то откуда?

– А почему же нет?

– Тогда и у тебя может быть.

– Нет... Зачем... Вот у тебя в животе все булькает.

– Ну, ну, не болтай лишнего, – строго говорит мать и уходит из комнаты.

Верочка перетаскивает своих кукол со всей обстановкой в Танину комнату и долго играет молча... Татьяна что-то читает.

– Таня, а Таня, – вдруг спрашивает Вера и сама конфузится, – а почему бы и у меня не быть ребенку.

– Ты мала еще... Это только у больших... – с трудом находит что сказать Татьяна.

– А у тебя откуда? Почему у мамы не могут быть...

– Она теперь, детка, не замужем, а когда был жив папа, тогда это могло быть...

– Таня, а почему у Пелагеи без мужа родился ребенок?

Татьяна этого вопроса не предвидела: это правда: у Пелагеи прошлый месяц родился ребенок, которого хотя и отдали куда-то, однако Пелагея ходит его кормить, и Верочке это известно.

– Знаешь ли, Веруша, – находит она выход, – у Пелагеи есть муж, знаешь – Александр этот, который зимой ходил к ней, только он с ней не живет...

– Таня, а Таня, – говорит Вера после некоторого перерыва, – а зачем они не венчались... Вот ты с Николаем Ивановичем венчалась, а она нет...

Татьяна в затруднении.

– Видишь, замуж можно выйти и не венчавшись. А может быть, Пелагея и венчалась, я, право, не знаю.

Верочка как будто удовлетворена. Но вот новый вопрос приходит в голову.

– А Марусланка тоже принесет скоро котят... У нее откуда?

Здесь как будто легче отвечать, и Татьяна решает говорить по возможности прямо...

— Это от другой кошки, какого-нибудь кота... мужской кошки, одним словом...

— Отчего же?

— А вот они ходят вместе и от этого.

— А у собаки мужские собаки...

— Да, Веруша. Да...

Она кажется совершенно удовлетворенной. Татьяна чувствует что-то вроде стыда. Кажется ей, что объяснить необходимо, но как сделать это, не знает.

— Как в церкви краской пахнет... — вдруг заявляет Верочка.

Татьяна думает о другом. Она задумалась, и глаза ее глядят как бы внутрь...

— О чем ты, Таня?

— Веруша, ты будешь любить моего ребенка? Ходить за ним? Ухаживать?

Вера бросает кукол.

— Буду, — говорит она и счастлива, что с ней говорят так.

— Верочек, милый, мне будет одной трудно, а ты посмотришь за ним... Ведь он маленький...

— Я буду, Таня, — произносит Вера серьезно, и во все глаза смотрит на сестру. — Я их люблю.

— Верушек мой милый, ты ведь любишь Таню, любишь?

Верочка радостно смеется, на глазах у нее слезы, и она обнимает и целует сестру.

Потом Татьяна с Верочкой перевязывают рану у Пелагеи. На груди у нее делали операцию, Татьяна умеет ходить за больными и перевязывать раны, и она с увлечением работает над этим. Вера усердно, серьезно, с сознанием огромной важности творимого, помогает и, как это ни кажется странным для взрослых, она без всякой брезгливости, с самым участливым отношением к Пелагее, подает тарел-

ки с ватой, йод, заглядывает в раны и радуется, что они заживают. Перевязка окончена. Приходит Николай Иванович и приглашает ехать на лодке.

Верочка кличет Карошку, и обе, так странно похожие в чем-то друг на друга, бегут они вниз с обрыва, вниз, к синей и широкой Волге.

VI

Николай Иванович на корме, Санька и Татьяна на веслах.

На ту сторону Волги — к пескам.

Вблизи Волга уже не синя, а мутная, но зато она стала шире, больше, и желтое поле песка, на той стороне, так далеко. Немного качает, дует низовой ветер, и волны идут крупные, веселые.

Середина реки. Открылся вид на все село. Высокий берег, покрытый строениями: мелькают зеленые и красные крыши, и церковь высится — белая, красивая.

Верочка расположилась на дне лодки и ласкает Карошку, прижавшуюся к своей хозяйке. Вера сидит лицом к Николаю Ивановичу и думает о нем. Знала она его давно и привыкла бояться его строгой и серьезной речи, его очков и его черной большой бороды, но иногда поражалась необычайной переменой в нем. Иногда он становился веселым, детски радостным, снимал очки, и странно добродушным делалось его лицо.

В эти моменты он дико прыгал и скакал с Верочкой, играл в куклы, пускал стрелы, змей-москвовки и ловил Карошку, бегал за ней по улице. И часто вечером, собираясь лечь спать, Верочка говорила матери:

— Какой Николай Иванович!

— Какой?

— Смешной... Вот он строгий-строгий и подойти боюсь... А то веселый, смешной... С Карошкой бегают...

И Вера его полюбила.

– Знаешь, Таня, – вдруг говорит тетя Маня, жеманясь и кокетничая, – мне Анри пишет, что съезд отложен...

Никто не знает, что это за Анри, но Марья Николаевна любит говорить о нем, рисуясь и дразня.

Верочка не любит тетку, ей все кажется, что она как-то особенно относится к Николаю Ивановичу, и Верочке становится грустно, и она долго смотрит за борт лодки на мутную, грязную воду.

Пристали, вышли на берег.

Гладкий, ровный песок тянется широко и далеко вглубь. Гладь песка чуть бороздят узенькие полоски, правильно расположенные, узорчатые.

Таня и Марья Николаевна идут гулять в луга, Николай Иванович вдруг заявляет:

– А мы с Санькой – купаться...

Верочке хочется остаться у Волги, и она неохотно плетется за Таней.

– Таня, давай купаться, – просит она.

Таня не хочет, но соглашается остаться на берегу, и в луга уходит одна Марья Николаевна, злая и печальная.

На песчаном валу садится Татьяна с сестрой, и у них идет тихий, ясный и незатейливый разговор.

– Таня, в церкви хорошо, только краской пахнет... – вдруг говорит Верочка совершенно неожиданно для Татьяны и тут же переходит на другое.

– В церковь мы с мамой Карошку не взяли. Мне ужасно жалко было... Ты знаешь, Таня, иногда мне жалко бывает Марусланку и Карошку... Такие они жалкие, такие жалкие, говорить они не умеют, никто их не любит, а им, может быть, скучно.

Вера тащит к себе Карошку, которая, расставив лапы, лежит, блаженствует на солнце.

Карошка, как и всегда, чрезвычайно признательна за всякое проявление внимания к ее особе и норовит лизнуть Верочку в губы...

– Целоваться нельзя, – говорит Верочка строго и отталкивает собаку...

Как хорошо здесь, на песке... На горе, напротив, деревня вся в темно-зеленых садах, далеко вправо и влево синее Волга, а там на песке у воды мелькают два белых тела.

Вот выскакивает Санька и бежит, кидается на песок. Вот он вскакивает и смешной, белый бежит по желтому песку...

Не добежав до сестер несколько сажен, он ложится на землю и кричит:

– Николай Иванович велит сказать, что пароход дачный идет...

Верочка бежит к нему, он от нее... За обоими Карошка поднимает столбы песка. Татьяна улыбается и думает: «Как зайчата...»

Николай полуодетый, сидит в лодке. Верочка подбегает к нему.

– Николай Иванович, можно мне около вас покупаться. Тане нельзя, а мне очень хочется, – заканчивает она жалобно, почти плаксиво.

Николай Иванович улыбается.

– Купайся, пожалуйста. Я подожду.

Быстро сбрасывает с себя Верочка платье и голенькая, чистая и нежная бежит в воду. И кричит Саньке:

– Иди сюда, давай купаться вместе!

Но тот находит неприличным купаться вместе с девочкой. Однако желает это скрыть.

– Мне и тут хорошо. Я на песке поваляюсь, – говорит он небрежно.

Живая и радостная выходит Верочка из воды. Садится в лодку рядом с Николаем и спокойно начинает одеваться, о чем-то без умолку рассказывая и трясая кудлатой головой, с которой во все стороны так и летят брызги.

Саньке надоело лежать в песке, он подползает на животе к лодке, но вплотную подойти не решается.

– Николай Иванович, бросьте мне рубашку! – кричит он. Вера, еще в одной нижней рубашонке, вдруг вmeshивается:

– Не надо, не надо. Пусть сам подойдет. Пусть не ломается!

– Николай Иванович, бросьте, – умоляет Санька, извиваясь на животе.

– Не представляйся, – отвечает за Николая Ивановича Вера. – Иди сам.

Делать нечего, Санька вскакивает, делает несколько скачков, схватывает рубашку и бежит обратно на свое место и там одевается.

Верочка удовлетворена.

– Ну, вот и хорошо, – заявляет она доверительным тоном. – Будто не все равно, голый или нет. Ничего тут нет, чтобы представляться.

VII

Обед прошел в глубоком молчании. Был угрюм Николай. Танино лицо было печально. Мария Николаевна презрительно шурила глаза и, казалось, что-то обдумывала.

Безотчетно грустно стало и Верочке. Как будто в глубине ее детской и ясной души рождался протест, зачем они так грустны, когда так светит солнце, когда так хороша Волга, когда есть такие хорошие собаки, как Карошка. Зачем печальна Таня – милая, любимая... Вспомнилось вдруг, что Таню Николай Иванович иногда называл кошечкой... А теперь у нее есть котенок, – мелькнула другая мысль, и она рассмеялась... В ответ ей улыбнулась Таня... Верочка оживилась, захотелось пошутить. Как-то за обедом Анна Александровна сказала Николаю и Тане:

– Питайтесь и размножайтесь...

Достаточно потом бывало Анне Александровне начать: «питайтесь», как Вера за нее уже доканчивала со смехом – «и размножайтесь», что приводило Анну Александровну в веселое настроение.

И теперь Вере хотелось пошутить. Улыбнувшись, и смотря на сестру, она начала:

– Ты что, Таня, не ешь, помнишь, как мама говорила: «питайтесь и...»

Она смолкла. Казалось ей, что сейчас Таня или Николай засмеются и продолжат, как обычно, начатую фразу. Но Таня серьезно сказала:

– Я не хочу, деточка.

А тетя Маня усмехнувшись, произнесла сквозь зубы:

– Удивительное знание библейских текстов...

Скоро и вечер.

Поиграла Верочка с мальчишками в мяч, побегала с Карошкой, посмотрела, как Пелагея кормит ребенка...

В восемь часов чай, а для Веры и ужин, в девять спать... Уже устала Вера, уже нет утренней бодрости и тише, серьезнее становится она. Уже интересен завтрашний день, а сегодняшний ушел бесследно в прошлое...

Перед чаем ее посылают отыскать Николая и тетю Маню. Пошла в сад. В дальнем углу сада, на скамейке среди густого вишняка и яблонь нашла их Вера. Решила напугать. Подошла тихонько к яблоне, что была позади скамьи, притаилась и, чуть дыша, слушает разговор.

Николай Иванович откинулся к яблоне и смотрит поверх очков на тетю. А та говорит что-то так горячо, сильно, на глазах слезы и голос дрожит:

– Николай, я ничего не требую, никаких обязательств, никаких пут...

Она придвинулась и взяла его за руку.

– Вы не любите меня, – я знаю. Но смотрите, – и она встала, – эта грудь, эти бедра, – о чем говорят они? И я, – буду говорить прямо, – хочу мужчины... Сильного, злого... Пусть меня возьмет, пусть скомкает и бросит... Но хоть миг жгучего, стыдного счастья... И вы, Николай, лицемерите... Вы уже хотите меня...

– А Таня, – тихо, как бы в раздумьи спросил Николай...

– Ну что же Таня... она ничего не теряет... Ничего... Не сердитесь – вы любите ее... Любите, я не мешаю...

Она опять села рядом, придвинулась близко. Обняла вдруг порывисто, впиалась поцелуем в губы. За яблоней раздался детский плач.

Уже давно следила Верочка за разговаривающими, и так странно, так необычайно говорила тетя Маня, что она не решилась прервать их разговор. Когда же она увидела, что тетя целует Николая Ивановича, ей стало жалко Таню – ведь целовать можно только мужа...

Николай кинулся к ней. Марья Николаевна бледная, тяжело дыша, стояла, обняв ствол яблони. Вдруг повернулась и быстро пошла в глубь сада.

– У вас будут дети? – плача, спрашивала Вера Николая.

– Да нет же, милая...

– А вдруг будут?..

– Да нет же...

Она перестала плакать...

– Николай Иванович, – вдруг сказала она серьезно, – я не скажу Тане ничего, только вы больше не целуйте тетю Маню... Она злая...

– Не буду, милая...

Он обнял ее, посадил на руки и унес в дом.

VIII

В постель Веру укладывает Таня.

Идут тихие, безмятежные разговоры. Несложные простые вопросы и ответы просты, спокойны. Близок сон, близки ночные золотые сны, и уже плывет все в дымке неясной... Ушел день с его определенностью, законченностью форм, и фантазия строит воздушные замки...

– Нужно взять с собой кукол, – вдруг интересный сон, а я одна, без них, – говорит Вера.

– Которую тебе – Анюту или Валю? – спрашивает Таня. – Ты, кажется, Анюту больше любишь...

Верочка беспокойна, сегодня ее все волнует. И теперь она плачет.

– Я их всех одинаково люблю, они у меня все хорошие... Я их никого не обижаю...

– Ну, не плачь, – строго говорит Татьяна, – что за глупость. Спи спокойно.

– Расскажи, Таня, сказку... – тянет Вера.

– О ком же тебе?

– О гадком утенке...

Вдруг Вера прерывает.

– Знаешь, Таня, ты никогда не рассказывай сказку о рыбаке и рыбке...

– Почему?

– Нехорошая она... Конец очень нехороший, когда я вырасту, я обязательно другой конец придумаю.

– Ведь Маня у нас пишет... Заставим ее придумать другой конец...

Вера волнуется, плачет.

– Не нужно Мани, она гадкая, плохая.

– Что с тобой?

– Так, Таня... Ничего, я так...

В комнате темно. Где-то говор слышен... На Волге шум парохода...

Тихо засыпает Вера. Еле ступая, уходит из комнаты Татьяна.

Около полуночи возвращается с одинокой прогулки мать, подходит к Верочкиной постели и долго стоит над ребенком. Лицо ее строго, в глазах и любовь, и печаль...

Теперь в ней не узнать ни той, что была утром в церкви, ни той, что говорила накануне с Татьяной. Она другая. Она мать.

Долго смотрит, наклоняется, целует и крестит.

И так же тихо, как подошла, отходит к своей кровати.

Лето 1908 г. – октябрь 1909 г.